

образование // Известия. 2010. 28 мая. С. 10.

6. Рождественский К. Бакалавр прикладной, обученный // Известия. 2010. 28 мая. С. 10.

7. Седибе П. Большой барьерный тариф // Рос. газ. 2011. 14 марта. С. 8.

8. Шаевич А.Б. Интересы пользователей – исходный аргумент в разработке и реализации стратегии подготовки специалистов // Потребности общества в профессиональном образовании: проблемы и решения: матер. науч.-метод. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: УГЛТУ, 2006. С. 35-36.

9. Шаевич А.Б. Образовательный процесс в технических университетах: инновации и традиции // Участие вуза в реализации приоритетных национальных проектов России: матер. науч.-метод. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: УГЛТУ, 2007. С. 37-40.

10. Ягодин Г.А. Интервью // Известия. 2009. 19 окт. С. 8.

П.А. Бирюков
(Уральский государственный
лесотехнический университет)

О РЕФОРМИРОВАНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОНВЕНЦИЙ

Многогранность и сложность происходящих в обществе социальных и экономических явлений обусловили возникновение и развитие теории конвенций.

Суть её – учёт многомерности общественной жизни и познание всех её сторон совместными усилиями социологов, политологов, экономистов и историков (т.е. изучение бытия с учётом анализа всех междисциплинарных связей).

Особенности методологических подходов приверженцев теории конвенций заключаются:

а) в абсолютизации множественности принципов координации экономической и социальной сторон жизни;

б) равнозначности ценностных и моральных критериев при выборе и оценке направлений общественного развития;

в) постоянной корректировке действующих норм и правил (конвенций) под воздействием общественного мнения как неизменного условия динамичного обновления.

Главный принцип конвенционистов – координацию усилий всех участников общественного процесса для достижения эффективного результата определяют не правила, а их своевременная интерпретация, разумные соглашения и согласованные ожидания. Соответственно они термин «конвенция» трактуют как «схему интерпретации правил».

Автором предпринята попытка рассмотреть сущность новаций в образовательном процессе (применительно к высшей школе) сквозь призму теории конвенций.

Высшая школа страны неотвратимо изменяется в соответствии с запрограммированным клише, внесение каких-либо коррективов в которое, по существу, недопустимо.

Цель данного решения заявлена как мера чрезвычайно эффективная в национальном масштабе. В федеральных университетах будет воспроизведена элита общества. Но если рассматривать данную проблему с позиций социальных и экономических, то сразу возникает блок вопросов. Где будут востребованы элитарные выпускники? Какие функции они намерены выполнять? Скорее всего, они пополнят научную среду, занимаясь зачастую важными с позиций науки, а не производства исследованиями (историки, математики, биологи, финансисты и т.д.).

В то же время выпускники вузов III группы, размещенные в центрах промышленного и аграрного производства, классифицируемые руководством страны, по существу, как люди II сорта (в соответствии с рангом вузов), создают и будут создавать материальные ценности, работая инженерами, технологами, агрономами, механиками, организаторами производства.

Таким образом, с позиций социальных содействуют ли такие подходы к ранжированию квалифицированных кадров здоровому микроклимату в обществе?

Далее. Обособление порядка 40 вузов страны и создание им особых условий при финансировании с позиций концентрации научного потенциала и материальной базы объяснимо. Но с позиций демографических, социальных и психологических для общества такой подход является уязвимой мерой. Рассмотрим ситуацию на примере лесной отрасли. Последние 20 лет чётко прослеживается тенденция:

выпускники вуза «оседают» в зоне его базирования. Давно сложилось мнение относительно лесных вузов – выпускники МГУЛ трудоустраиваются внутри Бульварного кольца в Москве; выпускники ЛТА – в пределах Невского проспекта; выпускники УГЛТУ – в пределах парка им. В.В. Маяковского.

Чтобы обеспечить кадрами предприятия и организации лесной глубинки региональные власти, игнорируя исторически сложившиеся центры лесного образования в стране, создают свои лесные факультеты (Вологда, Тюмень, Омск и т.д.). При реформировании высшего образования указанные тенденции вообще проигнорированы.

Разносторонний поход к решению проблемы реформирования высшего образования, в основе которого идеи Болонского соглашения, вызывает ряд других вопросов.

Особо останавливаюсь на мнении, ставшем уже догмой, об обязанности бизнеса диктовать высшей школе свои требования. К сожалению, авторы сего постулата не раскрывают механизм взаимодействия участников процесса подготовки квалифицированных кадров и их использования в бизнесе.

По мнению автора, так, как сегодня трактуется данная проблема, эта задача трудноразрешима. Исходя из личного опыта, автор выделяет два взгляда на состояние проблемы: а) реакция малого и среднего лесного предпринимательства однозначна: содержание образовательного процесса – ваше внутреннее дело; у нас своих проблем «выше крыши»; б) отношение крупных предпринимателей (по разным причинам) двоякое – от индифферентности до активного участия. Но общие слова поддержки завершаются поручением своему клерку подготовить соответствующие предложения для высшей школы. Поработав с литературой и в Интернете, клерк выдаёт «на гора» перл, в соответствии с которым выпускник вуза должен обладать такими знаниями, компетенциями и опытом, что сразу должен быть готовым выполнять функции как минимум федерального министра.

Не только референт крупного бизнесмена, а также руководители Минобрнауки РФ, утверждая стандарты III поколения, абсолютно забывают психологическую сторону учебного процесса. Мозг молодого человека в 17-22 года позволяет хорошо усвоить 12-25 % программного материала; остальное им изученное зафиксировано в конспектах или учебниках. По мере надобности необходимое будет вос-

становлено в памяти, переосмыслено и взято на вооружение в практической деятельности. Но знать сразу и все нельзя!

Кроме этого, 20-22 летний выпускник вуза с позиций гражданского становления отстаёт в развитии (по сравнению с физическим состоянием) и мучительно проходит процесс приобщения к деловой (взрослой) жизни. Поэтому требование крупного бизнеса вузу готовить такого выпускника, который сразу способен возглавить крупный коллектив и решать сложные производственные задачи вызывает у автора только такую реакцию: «Клинический случай амнезии; человек вообще не помнит, каким был сам после окончания вуза».

Аналогичные мысли возникают, когда сталкиваешься с объявлением: «Приём абитуриентов в вуз на «Антикризисное управление» и некоторые другие специальности».

Рамки статьи не дают возможности изложить другие мысли и суждения, если анализировать проблему с позиций «Теории конвенций». Обсуждение проблемы даст возможность найти рациональные формы сотрудничества между высшей школой и бизнесом, в котором, по мнению автора, решающее слово должно быть за наукой».

Е.Г. Ковалева

(Уральский государственный
лесотехнический университет)

О СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ В ИНСТИТУТЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ В КИГАЛИ, РУАНДА

Институт науки и технологии в Кигали, столице Руанды (Kigali Institute of Science and Technology)(КИСТ), первоначально получивший название Института науки, технологии и управления, является первым государственным техническим институтом в Руанде. Он был построен по инициативе Организации Объединенных наций (UNDP project) и принял первых 209 студентов на инженерный факультет 1 ноября 1997 г. В 2006 г. был открыт факультет науки, а в 2009 г. – факультет архитектуры и экологического проектирования, являющийся в настоящее время единственным в Руанде.

В настоящее время КИСТ готовит бакалавров с 4-годовичным обучением по прикладным математике (статистике, чистой математи-